

Нахмуренный приехал домой из Каменска Ефим Ефимыч Шагаев.

– Ты что? Не обтерялся ли? – испугалась жена.

– Не пьяный ведь... Другие дела.

– Какие дела?

– А такие... Помалкивай. На мельницу вот завтра до свету поеду.

– Есть ведь у нас, до нового хватит, – пробовала возразить жена. Но увидев, как злобно округлились Ефимовы глаза, замолкла. Стала выжидать, когда сам скажет.

Ефим, однако, весь день больше не говорил. Предупредил только жену: «Смотри, ты... Слова не выпусти никому».

В сумерках Ефим стал нагревать хлеб. И жена еще больше удивилась, увидев, что собирается на обеих лошадях. Спросить однако не посмела.

Только вечером, когда двое рыжеголовых ребятишек засопели на широкой лавке, Ефим сказал:

– Федот Васильевич сказывал. Телеграмму, будто, получил – на селянку колоть не будут. Только кооперативу. Вот и надо поспеть, пока приказ не пришел.

– Сколько нагреб-то? – живо откликнулась жена, сразу понявшая, в чем дело.

– Тридцать пудовок.

– Это на двух-то? Прибавил бы хоть десяток.

– И то думал, да дорога плохая. Передуло всю.

Оба пошли к амбару. Жену учить осторожности не приходилось. Она старалась держать фонарь так, чтобы со двора не видно было света, и шопотом говорила:

– Прибавь на воронка-то... Пудовки хоть две.

Но Ефим уперся.

– Не тебе вести. Вымотаешь лошадей. Слыхала поговорку: хробостко берешь – с пупа сорвешь. И то боюсь, не тяжело ли. Отбавить, может?

Испугалась мужниного раздумья, заторопила:

– Завязывай, не всю ночь тут стоять.

В избе Ефиму стало ясно – тяжелы воза. И он с ненавистью взглянул на свою ширококостную, плосколицую бабу.

– Холера белоглазая! – выругался он про себя, укладываясь в постель. – Жадюга!..

Выехал до свету. Было морозно и тихо. Но, когда подъезжал к первой деревушке Рыбиной, с Сунгул-озера белый дымок побежал.

– Нет хуже этого ветра. Хоть назад поезжай, – определил свое положение Ефим и злобно передразнил жену: «Прибавь хоть десяток! Холера! Вот-те и прибавил».

За Рыбиной, на перевале между озерами Сунгул и Ченвяным дорога оказалось вовсе плохой. Крепкие лошади с трудом выволакивали воза из одного ухаба, чтобы сейчас же

спустить их в другой. Теплая собачья яга и новые семифунтовые пимы казались «жидкими» на северо-западном ветру. Холодно Ефиму и тяжело лошадям. Еле добрался до Москвиной. А всего 6 верст.

– Погреться надо, да и воза отбавить, а то не доехать. К свату Савелью заеду, – подумал Ефим. Но как раз в это время через маленькое окошко ярко бросилось в глаза широкое, во все чело печки, торопливое пламя.

Веселый огонь властно потянул продрогшего на холодном ветру мужика. Он решительно подворотил лошадей к воротам.

Хозяйка встретила приветливо.

– Милости просим... Тепло у нас, сорно только... Теплуху вот еще запалю.

Ефим, грузно топтавшийся у порога, стал сбрасывать в шайку под умывальником густые ледяные сосульки с бороды и усов.

– Стужа-то какая! А ветер-от! Ровно такого всю зиму не бывало, – сыпала между тем хозяйка, возившаяся с самоваром.

– Пойду, заведу лошадей, – промолвил Ефим.

– Заведи-ко, заведи. Поставь вон в пригончике, потеплее. Пустой он у меня. С одной коровешкой бьюсь. Вдовьим дело... Пристали, поди, лошади-то по экой дороге? Порожняком и то тягость, а у тебя воза большие, видать.

– То и горе, что большие, отбавлять надо.

– Когда вышел на свирепый ветер, мысли пошли соглашательские: «Может, и зря еду. Давно, поди, на мельнице приказ-то пришел, лошадей только измаю, а продать и ближе можно».

Пригон оказался неплохим. Поставив лошадей в теплый, защищенный от ветра угол под навесом, Ефим решил: «Не поеду, пока ветер не стихнет. В случае тут и переночевать можно».

Попутно смотрел вдовино хозяйство. Заглянул в конюшню, где от него дико шарахнулась пара овец. Одобрил черную коровку, за перегородкой посмотрел на нахохлившихся кур и, выходя, взглянул на пару гусей, которые сторожко вытянули шеи и звонко загоготали.

– Аккуратная баба! – Сделал гость вывод. – Ночую здесь.

К его приходу в избе уж было прибрано, и на столе пыхтел самовар. Хозяйка с двухлетней здоровой девченкой на коленях сидела около крана.

– Двоем только и живешь?

– Так и маюсь, – ответила хозяйка, быстро махнув ресницами. Хотел было Ефим разогреть свой хлеб, принесенный в мешке, да соблазнился горячими лепешками, которые грудкой лежали на тарелке.

– Расчитаюсь как-нибудь, – подумал он, и сел к столу с другой стороны от хозяйки.

Горячий чай с лепешками после мороза – лучше не надо. Разговор только пошел сразу невеселый.

На вопрос, кому бы продать пудов 10 пшеницы, хозяйка тревожно заговорила:

– Кому теперь продашь? С портфелями заездили. Спекулянтов, говорят, разыскивают. Каждый и остерегается. Поймают еще. Да и кто тебя знает что ты сам за человек.

Это обидела Ефима.

– Меня хорошие люди знают. Вот хоть в вашей деревне у меня сват, Савелий Емельяныч, есть. Знаешь, тут на выезде живет? Крысан Тихоныч, тоже довольно мне знакомый, Василий Назарыч... И Ефим начал перечислять мужиков побогаче. Потом, выпив еще стакана три чаю, проговорил:

– Ты вот что, сестрица. Не добудешь ли мне четвертуху деревенского? Да мужиков-то этих ежели позвать бы? Потолковал бы я с ними. Закусить изготовать. Гуся хоть. Только рассчитаюсь хлебом.

Часа через два за столом сидело пять мужиков. Лутили самогон, хрустели соленой капустой и ругали «партфельщиков», которые мешают торговать хлебом.

– Разве я ему не хозяин? Кому хочу – тому продаю.

– Правильно, – одобряли остальные.

Под жареного гуся ругаться надоело. Запели: «Как родная меня мать провожала», потом перешли на «Моряков», потом был гармонист Сенька Вискирь, который за две пудовки согласился «наяривать всю ночь».

Плешивый, остроголовый сваты Савелий тяжело топтался против откуда-то появившейся девки с лукавыми глазами и пухлыми губами. Она бойко добила новыми башмаками и звонко подвизгивала гармошке.

Выходила и сама хозяйка, разопREVшая от самогона.

– Малинка-ягода!

Не один раз сменялись четвертухи на столе. Не один раз Ефим, шатаясь, выходил к возам и нагребал пудовки.

Дальше – рыганье, бормотанье, матерок, бабьи смешки, храп и... блевотина...

С утра опохмелялись, ходили по деревне. Потом опять был жареный гусь и остальное по порядку.

Только утром на третий день протрезвевший Ефим увидел, что хлеба осталось четыре пудовки.

Свез их в ближайшее село Шаблиш. На мельницу уж не поехал.

Проезжая обратно по Москвиной, Ефим грозил кулаком избушке вдовы.

– У, сволочь самогонная! Расплодили вас тут. Ворота таким мазать надо...

И только тут отчетливо увидел, что ворота были мазаны, и не раз даже.